

Николай Валерьевич Калининченко

Родился 5 февраля 1980 года в городе Москве.

Поэт, писатель, эссеист. Руководитель секции «Кашалот» при Союзе литераторов Российской Федерации. Организатор проектов «Литературные четверги в Добролюбовке», «Дискуссионный клуб «Кашалот».

Изданы четыре сборника стихотворений: «Точка зрения», 2012 г., «Кашалот», 2013 г., «Когда он шагнёт», 2015 г., «Московский пират», 2017 г., романа «Мустанкеры», 2017 г. в составе авторского коллектива под псевдонимом Ник Одинцов. Составитель сборников «Созвездие Кита», 2017 г. и «Созвездие Кита. Орбиты», 2020 г,

Лауреат первого Всероссийского фестиваля фестивалей «Лиффт», международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман», премии «Серебряный Роскон-2020» за рассказ «Увертюра для револьвера с оркестром», Премии «Орден «Рыцарь фантастики» (им. И.Г.Халымбаджи), 2020 г, дипломант премии Дельвига, 2020 г. Участник коллегии мастеров фестивалей поэзии «Мцыри», «Филатов-фест», «Чемпионат поэзии им. Маяковского», принимал участие в проекте «Вечерние стихи» на канале «Вечерняя Москва» в качестве критика.

Поэтические и прозаические произведения автора публиковались в Литературной газете, Независимой газете, мини-газете МОЛ, газете «Литературные известия», литературном журнале «Лампа и дымоход», журнале «Если», журнале «Мир фантастики», альманахе «Словесность», альманахе «Витражи», интернет-журнале «Русский переплет», сборнике «Антология современной русской литературы на болгарском языке», София, 2012, сборнике «Увидеть слово», Спб. 2015, альманахе «Академия поэзии», 2019 г., «Часовые памяти», 2015-2018 г., интернет-альманахе «45 параллель», сборнике «Магическая механика», Рига, 2008 г. и других изданиях.

Что ты ворчишь? Что ты мне шепчешь на ухо?
Воском свечным пахнет твоя латынь.
Если соврать мне не хватило навыка,
Значит идти в битву без лат, как ты.
Латте горчит, оттепель точит изморось,
Звук вертолёт в небе, как драм энд бейс.
Я надеваю "уши", включаю Визбора.
В Ялте ноябрь, что же тогда здесь?
Дети Дагона в колокол бьют бешено,
А получается, словно со дна стучат.
Нешто сосед полку опять вешает?
Если не в кайф, можешь не отвечать.
Душу ноябрь выскреб ветрами мглистыми,
Брюхом холодным к влажной земле приник.
Плоть разночинца - ворох страниц пролистанных,

Вера его - список любимых книг.
Кони Стрибога мчатся к небесным выпасам,
Или котельная пестует облака.
Сладко ли жить, ложь приправляя вымыслом?
Вымеси глину, вылепи дурака.
Заполни сердце его Ad Astra-ми,
Звоном хрустальным, зовом иных пространств,
Шире оффшоров, больше границ кадастровых,
Чтобы не стать хворостом для костра.
Чтобы взойти круче, чем скалы Котора,
Преодолеть косность земных оков,
Чтобы играть, точно гигантский Тоторо
На акаринах скученных облаков!
Скучно мне, братцы, скучно! Раёк бетонненький!
Катится город чертовым колесом.
Ну-ка налей джина со льдом да с тоником!
Стану смотреть хвойно-медвежий сон...
Слушать леса, не беспокоясь что потом,
Где по ветвям рыжая скачет мысль,
И пренебречь, хоть ненадолго, шепотом,
Воском свечным, что призывает ввысь.

Скачка

И дом не тот, и улица - чужая,
И сквозняки - щелей не напастись,
И, вроде бы, совсем не уезжали,
Да только всё сочится из горсти
Песок, мука? Ржаная ль, костяная?
В подмёрзшую подзолистую грязь.
Чего рядить, давай попьём вина и
Ляжем спать, ведь сказка не срослась.
Как не срастётся, выbleванна в лае,
Былая связь, что остов корабля.
Пробила полночь, бес меня седлает,
И мы несёмся в тёмные поля.
И я рычу, сорвать пытаюсь шоры,
Гоню по холке огненный озноб,
Но бес, умело применяя шпоры,
Меня швыряет в яростный галоп!
И он смеется, и руками машет,
И ёрзает, от похоти визжа,
И мне кричит: "Гони! Гони, папаша!
Ну, что же ты? Ведь сам хотел бежать!"
Бельмо Луны мелькает справа-слева.
Изгиб реки - блестящая стезя.
В моей груди обугленные клеммы,
Но серафим паяльника не взял.
Он подождёт, пока, исчерпан лжицей,
Я на излёте рухну в ковыли,
И лишь тогда, сгустившись над ключицей,
Мне пропоёт на ухо "I believe..."
Yes, I believe! Но, право же, с чего бы?
Упрямая, нелепая мечта!
А чернозём под брюхом пахнет воблой,
И первым снегом пахнет темнота.
И я встаю дрожащий, одинокий,
Закутавшись в изорванный мундир,
И микросхемой новые дороги
Ветвятся в перепаянной груди.

Яичница Гагарина

Я доел свою десятитысячную яичницу. Я заварил чай. "Нынче ноль на термометре", ночью писали в чат. Нынче ноль, один, два, три: "Поехали!" Солнце поднимается, опираясь на струи ТЭЦ. "Запомни, я - просто животное", - пишет [Антон](#) Кобец. Ах, если бы всё было так просто! Русская поэзия - это остров или остов броненосца Потёмкин. В наших сенях потёмки. В наших карманах лайки, а у меня похмелье и кит на майке. Десятитысячная яичница движется к десять тысяч первой. Мама! Не расчесывайте мне нервы! Мама! Эта фигня всё время в моей в голове! Гипертекстовый двигатель, и всего один цилиндр. Но из него легко достается кролик, подъемный кран, кизил, папиросы, море Средиземное, Черное, Красное, море Спокойствия и бытовой безмен. Drang nach osten! Отсюда и прямо к звёздам. Педаль в пол ...and nothing can stop the Highwayman!

Вовкины буки

Он живёт под кроватью, а я - в шкафу.
Мы пугаем мальчика по имени Вова.
Мама водит мальчика на кунг-фу,
Забирает из секции в полседьмого.
Мама берет Вове маффин и колу.
Сама - прихлёбывает супчик-мисо,
А потом они идут вдоль длинного молла,
По направлению к метро Кантемировская.
А над моллом звёзды, но их не видно,
И мама говорит, что поздно уже,
Вова смотрит в ночь и думает про повидло,
И еще - про абрикосовый джем.
Вова - сладкоежка и маньяк смартфона.
Он нас ничуть не боится.
Только когда батарея садится,
И в комнату плещет волна городского фона...
Вова тогда лежит тихо, почти не дышит,
Страх и уют в равных долях смакуя.
Вовина суть поднимается выше, выше,
Чтобы вернуться утром с маминым поцелуем.
Этот поцелуй, он вроде маяка.
Без него и возвращаться как будто некуда,
Реять в серых волнах подобием рыбьего косяка,
Или скользить серебристой нерпою.
Вот и мы так скользим, позабыв где лежат тела,
Возвращаемся ровно в семь, я в шкаф, а он - под кровать.
Видно мама утром забыла и не пришла.
Если бы нас найти... и может... поцеловать...
Вовина мама входит задумчива и бледна,
Поправляет одеяло, стараясь ступать потише.
Подходит к шкафу и шепчет зачем-то: "Миша,
Я же знаю, ты здесь, это твоя тишина.. "
Напрасно она...Мы не помним имен и лиц.
Заблудились в тенях, утонули в густой листве.
Мы в болотных огнях и в шорохе крыльев птиц...
Только серые волны и бледный далёкий свет.

Пижма

Вызрела пижма жёлтая, как яйцо,
Стрелы Перуна чешут макушку лета.
Это земля чистит своё лицо
От гордецов, циников и поэтов.

Это скрипит старый подъёмный кран.
Я разделяю с краном усталость ржавую.
В телике врут: "Вся наша жизнь-икра!"
Чтобы спихнуть заморскую, баклажанную.

Быть непохожим, значит не быть любимым.
Редким изюбром в толще сурковой массы.
В ночь на субботу славно растут грибы.
Новый поэт родится всегда авансом.

Не заслужили, да и не служим мы.
Просто такая наша планида странная,
Если идти в дальний конец зимы,
Нужно стихов, точно воды из крана.

Оптом доставленных прямо со склада дней.
Грузчики с крыльями курят и смотрят в бездну.
Я ощущаю - слово живёт во мне.
Пижму сорву, вроде от мух полезно.